

Эта пустая страница добавлена для облегчения просмотра в режиме Facing Pages (разворот), который дает наиболее полное представление о том, как выглядит печатная версия.

Александр Хохлов

Пекинский дневник Семена Черепанова

Александр Николаевич Хохлов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор многих работ по новой истории Китая, истории русско-китайских отношений XVII–XIX вв. и истории отечественного востоковедения.

Публикуемые ниже записки «Дневник русского, веденный в Пекине с 18 ноября 1830 по 10 мая 1831 г.» принадлежат перу Семена Ивановича Черепанова (1810–1884), сибирского писателя и журналиста, мало известного широкому кругу читателей. Почти неизвестен он и востоковедам. Между тем, на своем жизненном пути ему не раз приходилось общаться с учеными-востоковедами, а его творчество, особенно в 40–50-е гг., было тесно связано с китайской проблематикой. Достаточно указать, что первый его рассказ, опубликованный в 1848 г. в «Иллюстрации», назывался «Кяхта и Маймачен».

Биографические справочники и энциклопедии содержат скудные сведения о жизни и деятельности С.И. Черепанова. Этот пробел отчасти восполняют написанные им короткие рассказы, газетные корреспонденции и воспоминания, позволяющие наметить основные этапы его жизненного пути и литературного творчества. Среди произведений Черепанова наиболее автобиографичны следующие: «Путешествие сибирского казака в Пекин» («Библиотека для чтения», 1854, февраль), «Дневник русского, веденный в Пекине с 18 ноября 1830 по 10 мая 1831 г.» (Там же, 1856, № 3-4), «Кто открыл графит» («Санкт-Петербургские ведомости», 1856, № 172), «От Ирбита до Нижнего» (Там же, 1858, № 181, 187 и 253), «Отрывки из воспоминаний сибирского казака» («Современные известия», 1877, № 80) и некоторые другие.

Разумеется, факты, сообщаемые С.И. Черепановым о себе, нуждаются в уточнении. Надежным путеводителем в этой работе могут служить материалы личного архива писателя, основные части которого находятся в Москве, Санкт-Петербурге и Казани.

Согласно сведениям, сообщенным самим С.И. Черепановым, он родился 10 апреля (30 марта) 1810 г. в крепости (позднее станице) Кударинской, близ границы с Монголией, входившей с 1691 г. в состав Цинской империи. Отец будущего писателя Иван Андреевич был командиром Кударинской казачьей сотни и занимал должность пограничного начальника. Его мать Мария Афанасьевна была дочерью кяхтинского купца Якимова; в последние же годы жизни она находилась при Иркутском Знаменском монастыре.

Дополнительные сведения о семье С.И. Черепанова дает найденная нами в Государственном архиве Читинской области исповедная ведомость Троицкой церкви села Кудара за 1823 г. В ней, в частности, указаны следующие лица: «Кударинской дистанции начальник Иоанн Андреев Черепанов — 43-х лет, (его) жена Мария Афанасьевна — 43-х лет; у них дети: Симеон (Семен) — 13 лет, Петр — 9 лет, Анфиса — 4-х лет».

С 1817 по 1823 гг. С.И. Черепанов обучался в Троицкосавском уездном училище, а в декабре 1823 г. его приняли на службу в Троицкосавское пограничное правление подканцеляристом — мелким служащим, выполнявшим обязанности писаря. Троицкосавск, расположенный близ российско-китайской границы, считался в те годы заштатным городом в Забайкалье, которому подчинялась слобода Кяхта, где со времени заключения Кяхтинского трактата 1727 г. велась оживленная бартерная торговля путем обмена русских мануфактурных изделий, главным образом тканей, на китайский чай. Именем торговой слободы, через которую отправлялись через монгольские степи российские дипкурьеры, купцы и миссионеры в Пекин, ныне называется и бывший пограничный город Троицкосавск, что в пяти верстах от Кяхты.

Несмотря на продвижение по службе (в 1827—1829 гг. он выполнял функции столоначальника), С.И. Черепанов оставляет чиновничью карьеру и в сентябре 1829 г. вступает в казачье войско, где его определяют на должность сотника. В августе 1830 г. в связи с отправлением из Кяхты в Пекин нового состава Российской духовной (православной) миссии он во главе конвоя казаков едет в цинскую столицу. Выполняя различные поручения М.В. Ладьженского, назначенного Азиатским департаментом МИД приставом для сопровождения новых членов духовной

миссии в Китай и старых — на родину, С.И. Черепанов внимательно изучает внешний облик и жизнь китайской столицы. О своих впечатлениях и наблюдениях он подробно рассказывает в письмах к отцу, доставляя последнему большую радость.

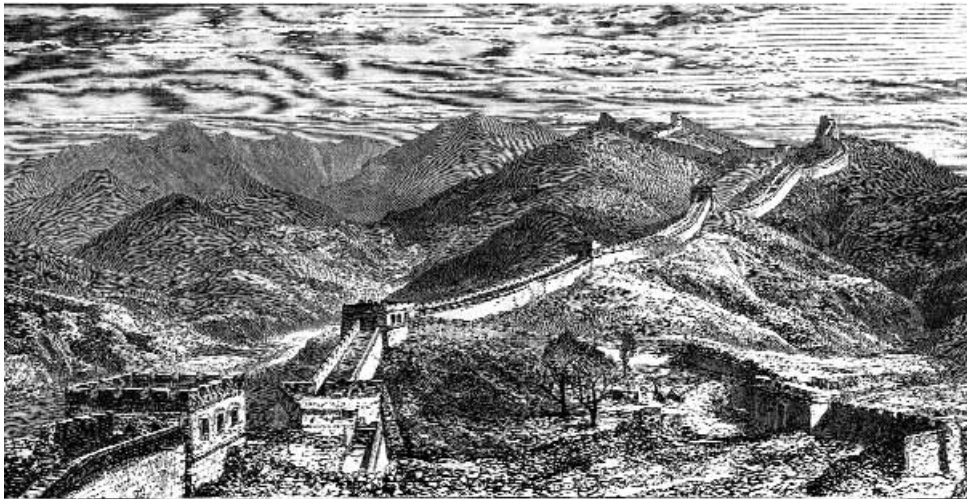
После возвращения из заграничного путешествия С.И. Черепанову в течение ряда лет довелось служить в Забайкалье, в Петровском заводе, где тогда находились в заключении многие участники декабрьского восстания 1825 г. в Петербурге. Это позволило ему не только познакомиться со многими декабристами — узниками Петровского каземата, но и подружиться с ними, особенно с И.И. Завалишиным, который, занимаясь с С.И. Черепановым, как-то напутствовал его: «Иди стезей добра, стезею просвещения».

Поездка в Китай и общение с декабристами произвели на С.И. Черепанова огромное впечатление. Неслучайно в анкете, заполненной им в октябре 1881 г. по просьбе известного казанского литератора-библиофила Н.Я. Агафонова, он на вопрос относительно образования ответил, что его академией, или университетом, были «в 1830—31 гг. — поездка в Китай», когда ему довелось познакомиться со многими видными учеными и востоковедами (Н.Х. Бунге, Е.Н. Фусом, О.М. Ковалевским и другими), и Петровский завод в 1831—1833 гг., где его наставниками-«просветителями» были Ф.Б. Вольф, А.И. Якубович, Н.А. Бестужев, И.И. Завалишин и многие другие.

Наиболее полно и рельефно китайская проблематика в творчестве С.И. Черепанова представлена в записках, опубликованных им в «Библиотеке для чтения» в 1854 и 1856 гг. На их содержании, а больше на манере и стиле подачи материала сказалось сильное влияние редактора журнала, известного ориенталиста О.И. Сенковского, написавшего, по признанию самого автора, «прехитрое предисловие». Тезис о закосности и неподвижности Китая, заимствованный О.И. Сенковским у западноевропейских авторов, присутствует в этих статьях более чем явно. «Китай, — говорится в первой статье, — страна постоянная, то есть всегда стоит на месте, а в Монголии, кажется, ничего не изменилось со дня покорения ее китайцами».

Круг затрагиваемых автором пекинского дневника сюжетов чрезвычайно широк и разнообразен, любопытны его оценки и суждения. «В записках моих я отчетливее могу говорить только о том, что сам вижу», — признается литератор, обладавший завидной наблюдательностью и способностью живописать увиденное.

Вероятно, под влиянием бесед с русскими китаеведами, жившими в течение длитель-

Великая китайская стена. Литография XIX в.

ного времени в Пекине, либо в результате ознакомления с их рукописями, представленными М.В. Ладыженскому, автором сформулирована мысль об огромном влиянии конфуцианства на китайское общество. «Китайский философ Кунцзы, известный под именем Конфуция... оставил... поучения, относящиеся ко всем вопросам жизни человеческой, поучения до того мудрые и непреложные, что китайцы следуют им до сих пор».

Весьма симптоматична в этом же отношении оценка автором захвата Китая чужеземными завоевателями — маньчжурами. «С завоевания престола маньчжурами связь подданных с государем совершенно была разорвана: с обеих сторон водворилась крайняя недоверчивость, и это имело пагубное влияние на благоденствие страны — науки и искусства упали, все пришло в какое-то онемение, неподвижность, все начало жить кое-как». Предоставление же завоевателям различных материальных льгот и преимуществ

Фрагмент плана Пекина, снятого М.В. Ладыженским

стало, по мнению автора, причиной «изнеженности здешних воинов», утративших к этому времени былую воинственность и дисциплину. Военная слабость цинского Китая особенно наглядно проявилась в период первой «опиумной войны» (1839–1842 гг.), когда «главная действующая армия, тысяч в 70 воинов, положила оружие... перед семьями англичан, которых можно было закидать шапками».

Любуясь изящными деревянными постройками Маймайчэна, китайской торговой слободы, расположенной напротив Кяхты, автор тем не менее критически оценивал известный шаблон в китайском градостроении. «Не только постройка домов, но и самих городов, — подчеркивал он, — подчинена в Китае строгому однообразию, неприятному, конечно, для путешественника, который, увидев один город, не может уже надеяться видеть какую-либо резкую особенность в других городах».

Интересной представляется характеристика китайских торговцев и, в частности, тех, кто был связан с кяхтинской торговлей. Хотя русские купцы не раз жаловались сибирской и столичной администрации на мошеннические действия китайских купцов, автору кажется, что обвинения китайских торговцев в плутовстве не совсем справедливы. С особым же восторгом автор говорит о высоком ювелирном мастерстве китайских ремесленников. После увиденного в Китае европейские изделия показались автору грубыми, «утлыми» и даже дрянными «в сравнении с подобными изделиями китайскими».

Интересные факты приводит автор о деятельности Российской духовной миссии в Пекине, члены которой наряду с изучением языков, истории и культуры Китая занимались научно-практической деятельностью. Так, о враче

Пекин, ворота Аньдинмынь. Литография XIX в.

миссии О.П. Войцеховском, интересовавшемся китайской медициной, автор пишет: «Г. Войцеховский сделал честь своему званию русского медика тем, что во время пребывания своего в Пекине лечил безвозмездно. В 1829 г. он вылечил племянника богдохана, 14-летнего юношу; его (Войцеховского) пригласили к больному уже после того, как все доктора отчаялись в его выздоровлении».

Как свидетельствуют архивные и опубликованные материалы, китайская тема, возникшая в творчестве С.И. Черепанова под влиянием длительного пребывания в Забайкалье и поездки в Пекин, присутствует во многих других его статьях и заметках. Они привлекают не только образностью языка, но и правдивостью сообщаемой о Китае и китайцах информации. Разумеется, к этой информации, как и ко всякой другой, следует относиться критически, с учетом особенностей той эпохи, в которой жил и трудился этот замечательный русский журналист, избравший литературную деятельность главным делом своей жизни благодаря необычному путешествию из Кяхты в Пекин и обратно. На этом поприще из-за тупого и чванливого равнодушия тогдашнего высшего общества и произвола местного провинциального начальства он столкнулся со многими препятствиями и моральными испытаниями, особенно в реализации своих творческих планов, что однажды вынудило его поместить известие в столичной газете о своей смерти в надежде привлечь этим актом-протестом к своему бедственному положению, отягощенному бесцельностью дальнейшей борьбы за достойное существование.

С.И. Черепанов оставил довольно большое рукописное наследие, осевшее в различных библиотеках и архивах России. Так, в библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского госу-

дарственного университета хранится папка с черновыми корреспонденциями писателя за 1860–1868 гг. под названием «Черепки». В черновых заметках С.И. Черепанов сообщает о рукописи И.Г. Бакланова, служившего секретарем Троицкосавской пограничной канцелярии, содержащей любопытные сведения о жизни и нравах местного российского начальства. В этой рукописи, в частности, говорится о нелегкой судьбе кяхтинского купца Свиньина, вознамерившегося подарить императрице Елизавете Петровне редкое блюдо китайской работы для подачи фруктов, но по навету завистников посаженного в тюрьму. В заключении он провел 20 лет и был освобожден только при Екатерине II. Как пишет С.И. Черепанов, указанную им рукопись взял у него известный монах о. Иакинф (Н.Я. Бичурин, 1777–1853) и отдал ее ориенталисту и изобретателю беспроволочного телеграфа барону П.Л. Шиллингу (1786–1837), который вместе со знаменитым «хинезис-

Фрагмент плана Пекина, снятого М.В.Ладыженским

том» приезжал в Кяхту в 1830 г. для ознакомления с состоянием кяхтинской торговли.

Некоторые литературные труды С.И. Черепанова («Мелкие рассказы сибирского казака», «Находчивость тунгуса» и др.) оказались в личном архиве российского дипломата и видного китаеведа К.А. Скачкова (1821–1883), находящемся в Российской государственной библиотеке. Там же хранится любопытная записка С.И. Черепанова «О подмесах к чаю выварок и проч. и о средстве к уничтожению одного (злоупотребления)», содержащая критические суждения по поводу упущений в работе российской пограничной таможни в Кяхте, иногда взимавшей (по недосмотру, а чаще по уговору с купцами) с китайского чая меньшую пошлину, чем это предусматривалось законом. Вот что сообщал автор упомянутой записки: «Известно, что при взимании пошлины принимается квадратный ящик (чая) за 60 фунтов, а полуторный — за 80 фунтов, тогда как в самом деле квадратный ящик заключает в себе от 62 до 65 фунтов, а полуторный — от 82 до 85 фунтов. Следовательно, с каждого ящика средним числом по крайней мере по 2 фунта пропускается без пошлины». И далее: «Проезжая от Кяхты до С.-Петербурга, я во всех городах на этом пути заметил, что чай мелочными торговцами продается с значительной примесью спитого чая (выварок), измельченного кирпичного чая, свинца, истертого в порошок, и тому подобного... По сделанным мною несколько раз опытам из фунта чая набирается выварок от 1/16 до 1/8 фунта... Это злоупотребление легко может быть отвращено тем, если чай на месте вымена, т.е. в Кяхте, развешивать в фунты и накладывать на них бандероли».

Легко представить, сколь тяжкими последствиями оборачивалась для провинциального журналиста столь детально обоснованная критика им местных властей, нередко извлекавших барыши от незаконных действий чиновников, стремившихся потуже набить свои карманы за счет взяток с купцов и мелких торговцев. С другой стороны, приводимые С.И. Черепановым факты для серьезного исследователя могут оказаться весьма ценными при изучении русско-китайской торговли, являвшейся приоритетным направлением политики России в отношении цинского Китая на протяжении более двух столетий.

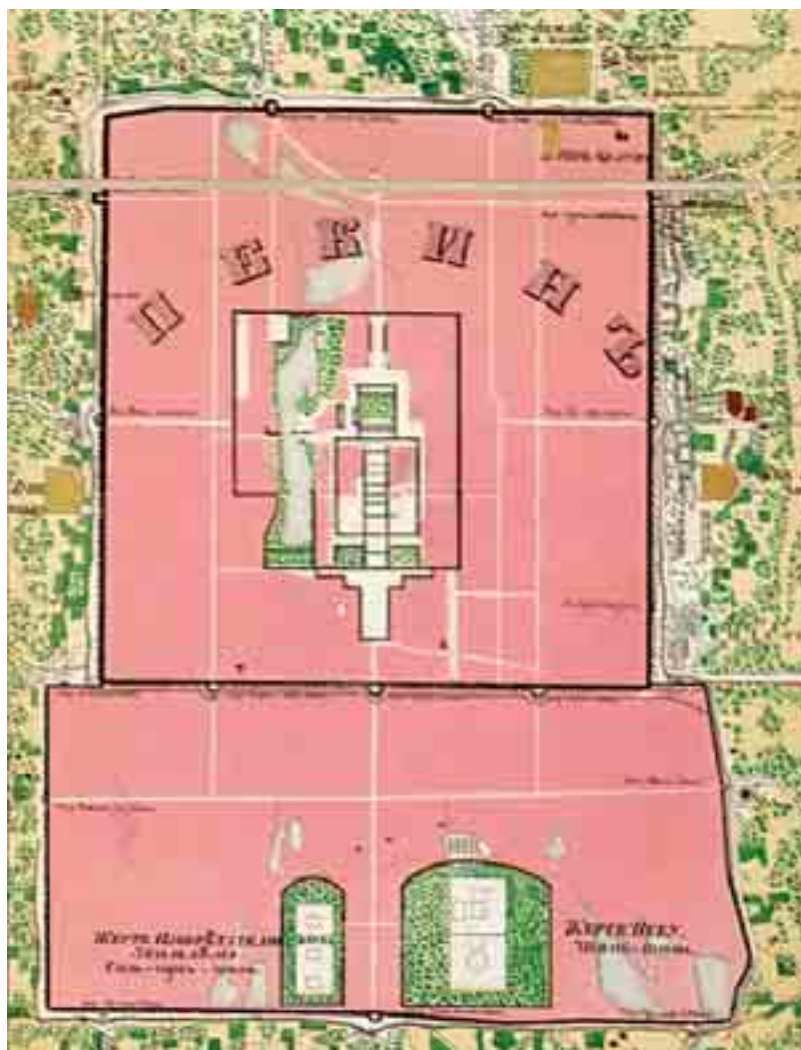
Чтобы полнее представить обстоятельства, благоприятствовавшие путешествию С.И. Черепанова в Китай в 1830 г., достаточно обратиться к истории Российской духовной (православной) миссии в Пекине, связанной своим появлением в китайской сто-

лице прозорливой политике Петра I в отношении соседней Цинской империи. Как видно из архивных и опубликованных материалов, потребности поддержания православной веры среди россиян, взятых в плен под русским острогом Албазином (на Амуре) в начале 80-х гг. XVII в. и поселенных богдоханом в северо-восточной части Пекина, побудили русского царя в июле 1700 г. издать указ о необходимости учреждения в Тобольске епархии во главе с митрополитом и подготовки для посылки в цинский Китай «добрых и ученых» священнослужителей. Для успешной проповеди слова Божия последним предлагалось предварительно ознакомиться с верованиями китайцев, маньчжуров и других народов, чтобы во время пребывания в Пекине они могли «тамо живущих и приезжих христиан от прелести идолослужения... отводить».

Тем временем, выполняя просьбу албазинцев прислать российского священника в китайскую столицу, сибирская администрация с согласия властей тогдашнего Китая в 1714 г. направила туда архимандрита Иллариона Лежайского с небольшой свитой. Приезд последнего в Пекин в 1715 г. (по другим данным в 1716 г.) положил начало существованию там Пекинской духовной (православной) миссии. Ее статус был официально закреплен договором, подписанным в Кяхте в 1727 г. представителями двух соседних империй. Согласно этому договору, российская сторона получила право через каждые десять лет обновлять личный состав духовной миссии, причем при каждой замене старого ее состава новым российскому правительству разрешалось присылать в Пекин шесть молодых людей в качестве светских членов для изучения восточных языков. Наблюдение за их занятиями возлагалось на главу духовной миссии.

В 20–40-е годы XIX в. по мере роста заинтересованности Академии наук и других научных учреждений России в поддержании контактов с Пекинской духовной миссией, занятия ее духовных и светских членов приобрели более целенаправленный характер благодаря дифференцированному подходу к изучению истории, географии и современной культуры тогдашнего Китая, диктуемому потребностями российского общества в более глубоком познании сопредельных стран Востока.

Практическое овладение восточными языками, особенно китайским, позволяло членам Пекинской духовной миссии не только свободно общаться с жителями столицы Поднебесной и ее окрестностей, но и глубже вникать в характер их материальной и духов-

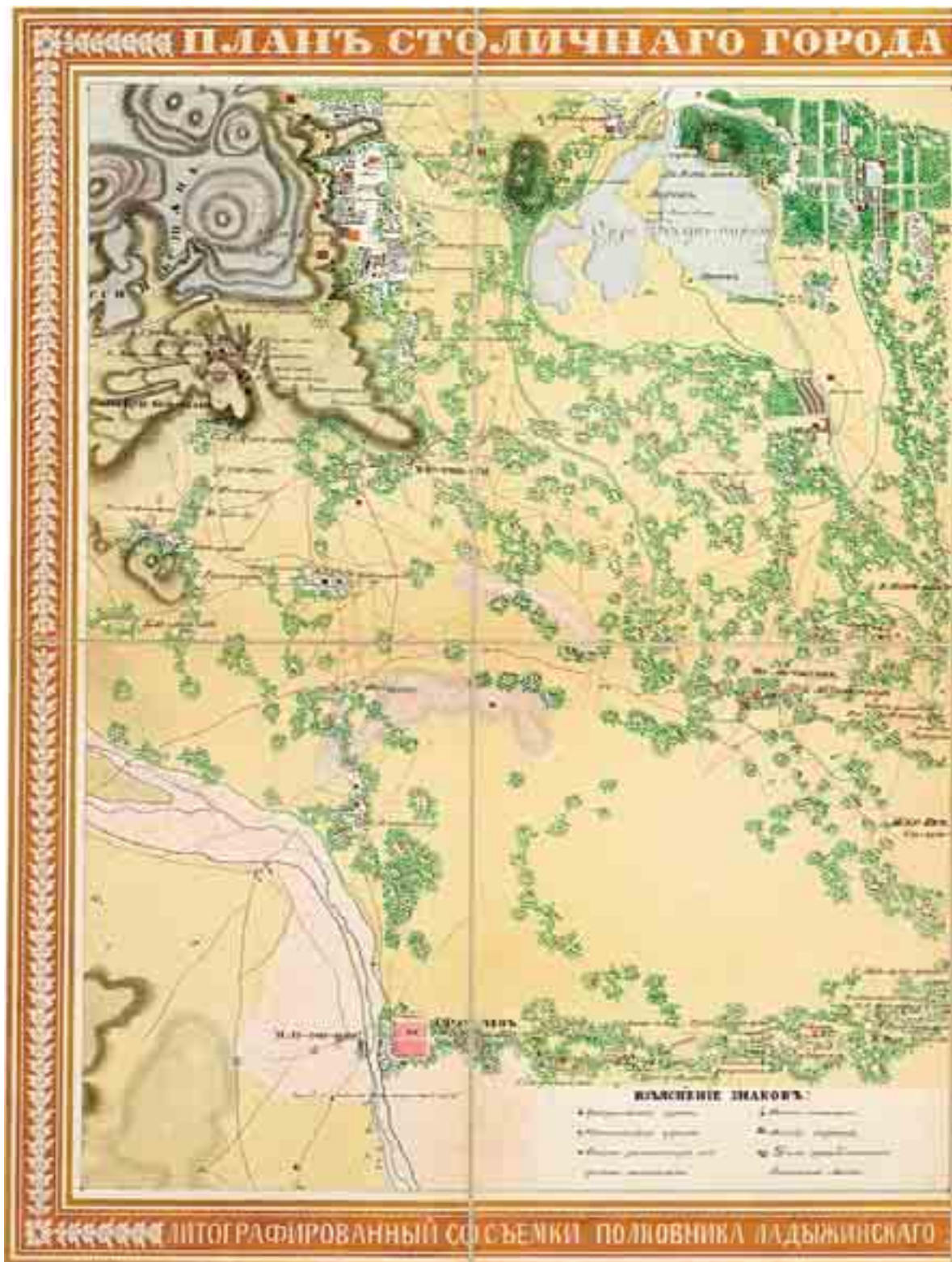
Фрагмент плана Пекина, снятого М.В. Ладыженским и опубликованного в 1848 г.

ной культуры. Если учесть, что система образования и методы управления в Цинской империи были пронизаны традиционными идеями конфуцианства, то нетрудно понять, почему в переводах, научных заметках и оригинальных трудах, представляемых членами миссии в Азиатский департамент МИД из Пекина, можно найти немало ценных трудов по истории духовной культуры китайского народа, вобравшей в себя лучшие достижения многих других народов, с которыми ему приходилось общаться на протяжении многих столетий. «Конфуцианский след» китайской культуры, оказавшей серьезное влияние на соседние страны – Корею, Вьетнам и Японию, можно найти и в составленных членами Пекинской духовной миссии словарях (в т.ч. двух- и многоязычных), дошедших до нас в рукописном виде и ныне находящихся в разных архивах и библиоте-

ках. О конфуцианстве пространно говорит и С.И. Черепанов, которому выпало счастье вместе с группой забайкальских казаков сопровождать в Пекин очередную партию новых миссионеров и светских лиц, среди которых был воспитанник Казанского университета Осип Михайлович Ковалевский (1801–1878), впоследствии известный монголист – основоположник научного монголоведения в России.

Предлагаемые вашему вниманию записки С.И. Черепанова, появившиеся в 1856 г. в журнале «Библиотека для чтения», публикуются с сохранением особенностей языка и литературного стиля автора, причем в сокращенном виде из-за их значительного объема. Собственные имена и краткие термины приводятся в современном написании. Вставленные нами для логической связи публикуемого текста слова заключены в квадратные скобки.

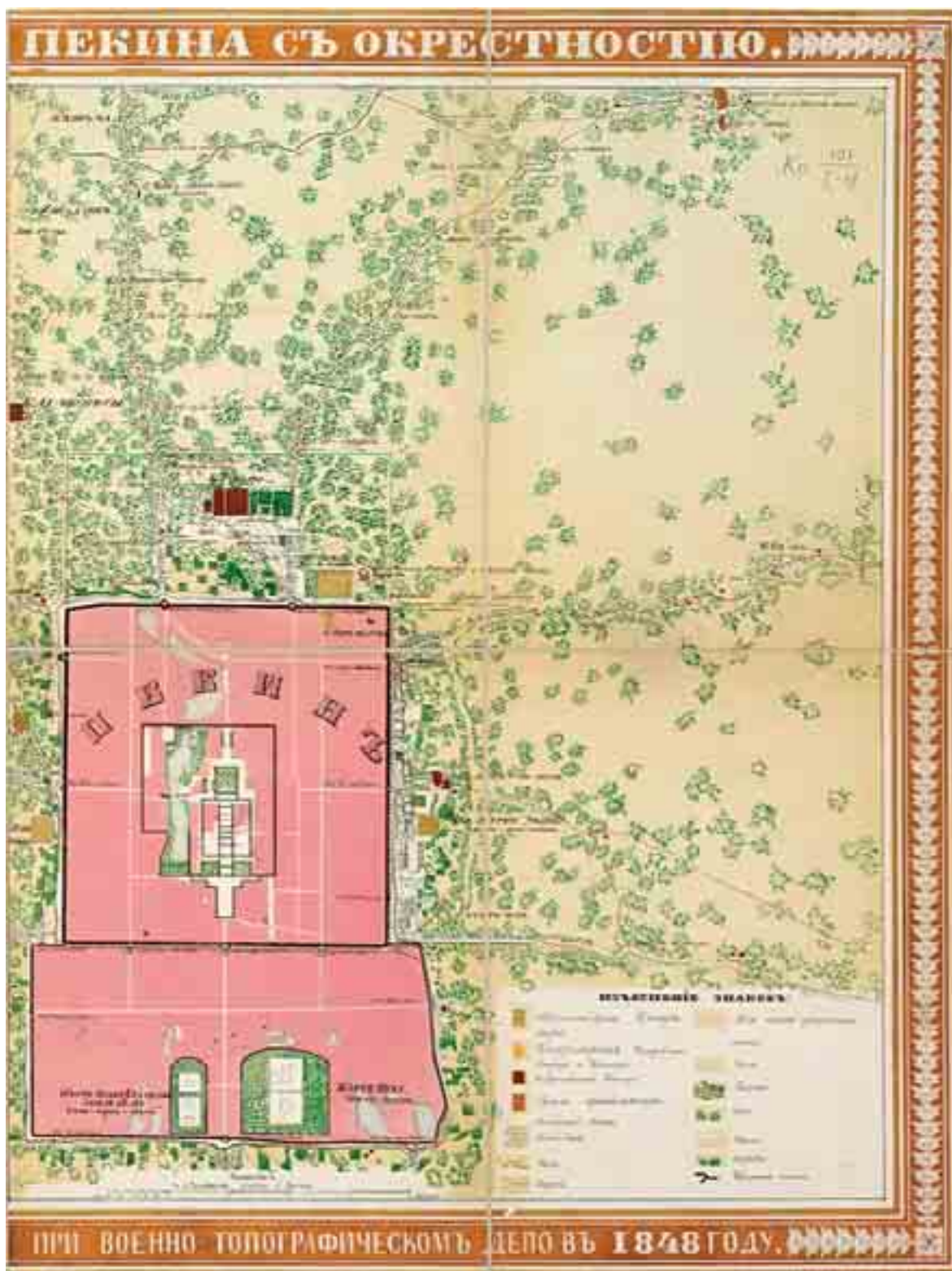

Публикуемъй нами план Пекина снят М.В. Ладженским во время пребывания в китайской столице в 1830–1831 гг. По возвращению из заграничной командировки, связанной с обновлением личного состава Пекинской духовной миссии, он в донесении от 29 марта 1832 г. в Азиатский департамент

МИД России из Кяхты сообщал следующее: «План окрестностей Пекина ... сделан со всею аккуратностью и верностью... Все, на нем находящееся, перенесено с маленьких книжечек, с коими я ездил около Пекина». В топографических съемках по подготовке плана

китайской столицы деятельное участие принимал и казак С.А. Черепанов, который впоследствии рассказывал об этом следующее: «В Пекине ... Ладыженский показал мне съемку планов и фасадов зданий и карт. Я усердно занялся этим делом, снял оба наших монастыря и уцелевший – португальский. С

письменной работой я уже был знаком и употреблялся не только на переписку донесений пристава [М.В. Ладыженского], но и на исправление их. Он мечтал о печатании их, но Азиатский департамент отвечал [ему] только, что «прочтено с должным вниманием», и это крайне огорчало полковника.»

Семен Черепанов

Дневник русского,

веденный в Пекине с 18 ноября 1830 по 10 мая 1831 г.

Пекин. Западные ворота. Гравюра XIX в.

[20 ноября]. Мы все еще отдыхаем после дороги; сегодня, однако же, подумали о том, как нам выходить из подворья? По совету опытных людей мы купили себе китайское платье. Так как я начинаю одеваться по-китайски, то не угодно ли присутствовать при моем туалете? В Китае человек благородного происхождения должен носить все шелковое, а простолюдин — все бумажное... Вот я и надел шелковую рубашку, за нею единственные, слегка набаченные панталоны... извините за точность описания... чулки, тоже шелковые, на вате, и черные атласные сапоги, совершенно особенной формы, с толстыми, в 3/4 вершка, подошвами, неукоризненная белизна которых — признак человека благородного, не имеющего нужды ходить по грязи. Толщина этих подошв, как она ни уродлива, — лучшее предохранительное средство в таком городе, где есть и сырые и раскаленные солнцем места. — После сапогов я надеваю шелковый халат темного цвета, но отнюдь не черного; у этого халата одна пола больше другой, на основании того верного расчета, что нижней полы не видно, стало быть она и не нужна; застеживаю на три пугови:

у шеи, под мышкою и около пояса; опоясываюсь ярко-голубым поясом, концы которого выпускаю сзади вместо галстука, манишки и жилета; надеваю нечто, вполне заменяющее все эти части европейского костюма и падающее по моей спине и груди яркими полосами; к кушаку прикрепляю кошель с часами, кошель с деньгами и белый платок... Впрочем, платок не составляет необходимости: большую часть обходятся несколькими листами мягкой бумаги... В описанном платье я остаюсь дома, один; но вот пришел ко мне гость или сам я иду со двора — я надеваю сверх халата курму, род короткого пальто; пальто там давным-давно известно: сначала оно появилось в Маньчжурии, потом в Китае. Курма, или пальто, бывает двоякою: парадная — длиною до колен; будничная — гораздо короче. Назначение ее предохранять от холода, если холодно, а главное — прикрывать халат, который, как постоянная одежда, часто бывает немножко засален. Важная выгода такой одежды состоит в том, что вас нельзя застать врасплох; ежели вы не захотите этого сами, то никогда не заставите гостя себя дожидаться; как бы вы не были оде-

ты по-домашнему донельзя, вам стоит только надернуть курму — и вы готовы. После курмы я надеваю шапку; голова моя уже подбрита и фальшивая коса [принятая у жителей Китая] привязана к шапке. Так как мне нужно будет заключить какую-нибудь фальшивую сделку, я кладу за голенище сапога аккуратно сделанный футляр с весками, на которых буду весить серебро — здешние деньги; для того, чтобы меня не обманули, у меня в футляр весков вделан оселок и на нем натерто настоящее серебро, с которым я и буду сравнивать получаемое. За другое голенище я опускаю кисет с табаком и трубкою... Здесь всегда курят из собственной трубки, поэтому, сколько бы ни собралось к кому гостей, никто не затрудняет хозяина... кроме того, трубка с чубуком имеет всегда равную меру — одно чи, китайский аршин; если случится что-либо смерить — у меня мера всегда с собой. В случае надобности трубкой же можно защищаться от собак. Одним словом, когда я вместо казачьей куртки надел китайский костюм, то остался им очень доволен и нашел, что я снабжен всем нужным, без излишества.

Я хотел выйти из дому, но на первом же шагу толстая подошва как-то подвернулась, и я едва не упал; однако же пройдя немного, я по привычке к новой обуви. На дворе я встретил г. Р*¹, старшего офицера и снял перед ним шапку, и что же? — волосы мои распались, обнаружилась фальшивая коса, я сделался смешон донельзя и принужден был воротиться и запомнить раз и навсегда, что шапку ни в коем случае не должно снимать: ее снимают только дома, при близких знакомых, а обнажить голову перед старшим — значит разобидеть его. Все платье стоило мне 22,750 чохов² — около 57 р. сер.

22 числа. — Дурная погода как бы поддерживала в нас нерешимость пуститься осматривать Пекин. Громадность его нас пугает. С чего начать, не зная языка, не имея руководителя? Однако же постоянный шум, бесконечный гул необыкновенного движения многочисленной толпы подстрекает любопытство... но, так и быть — до завтра!.. [...]

23 числа. — Погода становилась хуже, шел снег, который, впрочем, тотчас

таял; — несмотря ни на что, я решился выйти на улицу... решился один, потому что никто не разделял моего нетерпения видеть Пекин. [...]

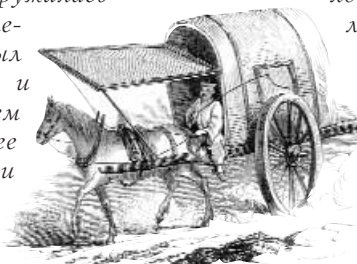
Улица была полна народа, который двигался с азиатскою медленностью: экипажи ехали большею частью шагом, пешеходы, заложа руки назад, шли едва передвигая ноги и часто останавливались разкуривать трубки; одни разношники, под тяжестью нош, шли скорым, мерным шагом; у каждого ворот их останавливали кивавшие оттуда молоденькие девушки-китайки... Наконец-то я их увидел! но, увы! мельком и при том в таком будничном наряде, что не стоит об этом и говорить...

Множество одноколки — так должно называть китайские экипажи, потому что они двухколесные, — судя по их ненарядному виду и впряженным в них сухопарым мулам, должны принадлежать извозчикам: порядочные люди едут в собственных экипажах, также одноколках, но новых и красивых, на отличных мулах, которые красотой не уступают лошадям, — и в сопровождении нескольких вершников, непременно на иноходцах. Я уже слышал, что по этому обстоятельству иноходные лошади требуются в Китай во множестве, даже на Кяхте они продавались выгодно. Мулы же, непременная потребность для экипажа всякого порядочного человека, вос-

ходят в цене до тысячилан³, если, при хорошем росте, они чубарой масти, весьма здесь уважаемой...

Высокопорядочные люди садятся в носилки, носимые двадцатью человека-

ми... Но, что это пахнет горелым платьем? Уж не я ли... Так и есть! Я прислонился к столбику, к которому привешен зажженный фитиль для разкуривания трубок, и прожог себе пальто... Бежать скорее домой — на сегодня довольно, притом и снег повалил... Жаль нового платья, лучше пережду в этом... Что это такое? Крытая улица, т.е. крытый проход из одной улицы в другую, по обе стороны которого шкафы с товарами... Здесь вовсе нет снега и как хорошо! Все, что угодно, можно купить: досадно, что я спросить ничего не умею... Вот я и на другой

улице. Какая широкая, вся выстлана тесаным камнем; она с виду изящнее первой; тут большие лавки; какие фасады, изукрашенные чудною резьбою! Везде колонны, покрытые отличным лаком... Что это? музыка, целый оркестр идет перед необыкновенно пестрыми нарядными носилками. Музыка для непривычного уха что-то тяжела: разные дудочки, бубенчики, кастаньетки, тарелки, все вместе — «как будто шел овоз, в котором тысяча немазанных колес!» сказал бы Крылов.

Только как же это они идут? Два шага вперед и шаг назад. Вот штука-то! Это должно быть какая-нибудь процессия, верно свадебная... Так и есть! В носилках сидит невеста, да какая же нарядная: вся в цветах, в розовом платье, набелена, как мельник; как она сузила глазки! Однако же сквозь самые маленькие щелочки они ярко блестят, как звездочки; искусственный румянец во всю щеку, на нижней губе намалевано розовое пятно. Толпа увлекла меня за процессией, и я едва высвободился на прекрасной площади, вымощенной тесаным камнем. Тут меня окружили нищие — что за отвратительные существа! — грязные, оборванные, выставляют напоказ свои раны...⁴ Я высыпал им все чохы, бывшие со мной, но долго еще гнались они за мною и я, стараясь избавиться от них, пошел сам не зная куда... [...]

Наконец, 2-го декабря, назначен общий выезд из нашего заключения, в другое, где живет один из священников миссии, именно подворье, находящееся при албазинской церкви. Расстояние, говорят, верст пять; мы поедем по Пекину... наконец-то я его увижу...

Я поехал на верховой лошади и пристал к одному из старых миссионеров, чтобы он показал мне замечательные места. День был ветреный, и улицы не так полны, как в тот раз, когда я путешествовал по ним один. Спутник мой указал на желтые крыши дворца богдохана, виднеющиеся из-за трех стен, окружающих жилище владыки Китая. Стены, окрашенные красною краскою, отделяются от частных строений и одна от другой площадями значительной ширины, вымощенными гранитом. Здания, по обычаю, одноэтажные, крыты черепицею, муравленою в желтый цвет, который ярко отражает солнечные лучи, так что крыши кажутся позолоченными. Несколько великолепных носилок были вынесены и внесены в ворота дворца, пока мы ехали мимо. Дворец богдохана не возбуждает ни малейшего удивления; тройные стены, его окружающие, вселяют только сожаление к заключившемуся в них повелителю миллионов людей... К главному зданию примыкает другое отделение — помещение многочисленных жен императора... впрочем, мой спут-

Улицы Пекина. Фото XIX в.

Уличные игроки. Фото XIX в.

ник сказал, что у настоящего богдохана их только девятнадцать... Далее, я увидел храм его прадедов, здание большое, но не отличающееся ничем особенно-замечательным... Он окружен садом и площадью, на которую выходят: большое здание, какое-то присутственное место, род сената, великолепный трактир, несколько замечательных лавок и, наконец, длинные ряды казарм. Вот все, что мы сегодня видели по пути.

Шестого декабря капля русских в океане китайцев праздновала тезоименитство своего Императора. Мы собрались все в церковь; я привел туда мой маленький отряд великанов-казаков; действительно, они кажутся великанами в Пекине, где народ удивительно как мелок и неказист. [...]

В моем отряде есть казак (Бронников), у которого столько силы, что он не может взять в руку китайской фарфоровой чашки, — а они очень тонки и изящны, — чтобы не раздавить ее. В короткое время нашего пребывания здесь он уже получил громкую известность в столице, показывая на рынках образчики своей силы. Расскажу следующий случай... на рынках носят яйца, из которых через маленькое отверстие выпущен белок и желток, и налит туда спирт; желающий выпить или, вернее, высосать этот спирт ничего за него не платит, если высосет все до капли, не переводя духа, в противном же случае, платит

условленную сумму. Обыкновенно для этого употребляются куриные яйца, для новичков даже голубиные, потому что редко кто может вытянуть зараз спирт из куриного яйца. Бронников каждый день перед обедом ходил на рынок и проглатывал спирт, не платя ничего за эту предобеденную рюмку. ... наконец, начали готовить для него утиньи, а потом уже и гусиные яйца, но напрасно: он и гусиные яйца высасывал одним духом и китайцам не удалось взять с него ни одного чоха! Узнав об этом, я, разумеется, запретил Бронникову такую проделку... [...]

Восьмого декабря мы видели торжественный перевоз на слонах разных атрибутов поклонения богдохана Небу, — которое должно совершиться завтра, в ... [особом] храме. Цель этого молебствия — очистить душу императора Китая после произнесенных им смертных приговоров, по которым совершены в этом месяце казни по всему государству. Это бывает ежегодно. Наши миссионеры в течение десяти лет видели даже самые казни в Пекине; виды наказания ужасны, например: одному преступнику живому шибли с головы череп тетивую лука, которую натягивали и спускали поперек лба до тех пор, пока не снесли череп.

Слонов было шесть; из всего, что было на них навьючено, я мог только отличить огромные музыкальные инструменты: турецкий барабан и пр. Китай-

цы, кажется, ни на шаг без музыки; к ним идет русская пословица: охота смертная, да участь горькая!

Слоны привезены сюда из Персии в разное время⁵; старшему из них более 200 лет. По слонам можно заключить — до какой степени китайскому императору неизвестно, что у него делается: он уверен, что у него 16-ть слонов, и на столько отпускается содержания, а между тем их только шесть.

Завтра нам представится случай видеть богдохана, когда он будет проезжать в храм Неба (Таньтан). [...]

значительную часть народонаселения Пекина, напрасно просит пособия у остатальной части, которая ее презирает и считает помощь бедному пороком. Болезни, изнурение, недостаток одежды и нечистота совершенно обезобразили этих несчастных: воспоминание о них и об осаде, которую мне сделали китайские нищие, до сих пор приводит меня в трепет. Я видел их гнездо: оно состоит из огромной длинной ямы, покрытой от дождя навесом и наполненной птичьим пером: в это перо зарываются нищие в холодные ночи. Такое

Пекин. Одно из зданий летней загородной императорской резиденции — Юаньминюань. Гравюра XIX в.

Улицы, по которым должен проезжать император в назначенный день, очищают от балаганов, лежащего на них лесу и другого товару, даже от людей, которые во время проезда не должны быть на улице, а если кто как-нибудь нечаянно случится в это время на улице, тот должен пасть ниц и лежать, не подымая головы, а если подымет ее и посмотрит на императора, — подвергается смертной казни. Улицы посыпают песком, в домах появляются разные украшения, так что богдохан видит свою столицу только в самом нарядном уборе... Могу с уверенностью сказать, что я более его знаю Пекин: я видел ужасно нечистые грязные улицы, поливаемые мочою, для собирания которой местами расставлены сосуды; я видел человечество в самом страшном состоянии нищеты; жалкая эта толпа, составляя

убежище устроено правительством: нищие, впрочем, прибегают к нему только в крайности. Здесь же поставлен на землю огромнейший котел, в котором варят для них пшено и раздают прямо из котла, высыпая его на голые руки: картина этой раздачи поразительна; хлебодары, если можно так их назвать, становятся на края котла, длинными ковшами черпают кашу и кидают ее в подставленные пригоршни; получивший поспешно отбегает и бросает горячее пшено из обожженных рук на землю и уже с земли начинает есть его, как собака... [...]

Чтобы хоть мельком увидеть китайского императора, мы наняли лавку у одного купца, и он, под опасением лишиться головы, позволил нам смотреть на улицу в щели между досок,

которыми закладывается на ночь широкая дверь лавки. Мы забралась туда с вечера, потому что богдохан выезжает рано по утрам. И точно: только рассвело — по улице пробежал первый гонец, возвещающий, что через час богдохан поедет и чтобы поэтому все удалились с улицы. Через полчаса пробежал другой гонец, и уже не словами, а плетью гнал всякого, кто ему попался. Третий гонец ехал перед самым поездом и приказывал ложиться на землю тем, кого заставлял на улице... [...]

медленно взят; он будет казнен — ибо он сделал преступление: уступил благоговейному любопытству верноподданного и осмелился взглянуть на своего монарха!..

Лицо императора, сколько мы могли мельком заметить, было омрачено глубокой грустью, которая, говорят, сделалась постоянным его выражением с тех пор, как он лишился (не так давно) единственного сына, наследника престола, достигшего уже 22-летнего возраста. Он умер совершенно от китайской причины. В Маньчжурии ... в этой

Храм Неба. Фото XIX в.

Вслед за третьим гонцом показались всадники, вооруженные луками и стрелами; они ехали так, что составляли продолговатый круг, в середине которого, на чудной, по красивым формам и ослепительной белизне, лошади, ехал пожилой человек, необыкновенно смуглый, с длинным лицом, впалыми щеками, показывавшими совершенную потерю зубов; одет он был в ярко-желтое платье, на шапке такого же цвета, опушенной черным бобром, красовалась заметная даже издали для простого глаза жемчужина, в которую ударяли лучи только что восходящего солнца. Этот старец был император Китая, по имени — Даогуан⁶; ему 60 лет от роду и он царствует одиннадцатый год.

За почетным поездом тотчас следовала полиция. Один из пешеходов, лежавших перед нашим убежищем, был ею не-

благословенной и до сих пор незамеченной стране, родится трава, которой корень, называемый по-китайски женьшень (человек-корень — от сходства его формы с фигурой человека), имеет чрезвычайно возбуждательное свойство, и в такой стране, как Китай, цена на этот корень невероятная — в 400 раз дороже серебра, т.е. за фунт женьшеня платят 400 фунт. серебра! Употребляемый постоянно и в большом количестве, женьшень не приносит видимого вреда, но истощает и расслабляет медленно (организм); наследник поднебесного престола постепенно увеличивал приемы и дошел до того, что съедал женьшеня каждый день по цзиню (1 1/2 фунта), всего же съел на 400 цзиней серебра или на 20.400 руб. серебр.! Сведения о таком ужасном расходе, наконец, дошло до отца, который, узнав, на ка-

кую потребность тратится столько денег, повелел не выдавать сыну ни одного золотника женьшеню. Внезапное прекращение употребления этого яду имело следствием то, что наследник умер на второй же день!

Богдохан выезжает иногда в коляске, то есть одноколке большого размера, обитой желтым сукном. Говорят, что для плавности (движения) экипажа к оси его привязана свинцовая глыба в 50 пудов! (?) Император еще не решается проехать в прекрасной английской карете, которую привез к здешнему двору лорд Макартней⁷, и которая хранится до настоящего времени. Причина неупотребления покойного экипажа заключается в том, что кучер должен сидеть выше и впереди своего повелителя!

Чаще всего богдохан и особы знатного происхождения употребляют носилки. Понятно, что богдохан был предметом (наших) разговоров в продолжение целого дня; я узнал некоторые особенности, о которых я упомянул здесь, потому что, повторяю, не намерен писать полного, стало быть всегда скучного, систематического обзора страны и записываю только некоторые черты, показавшиеся мне замечательными.

Правление в Китае монархическое — неограниченное, но император, имея полную волю над своим народом, чрезвычайно стеснен уставами церемоний.

На вопрос — сколько у богдохана жен? один обязательный собеседник перевел мне одно из повелений императора [годов правления] Канси⁸ следующего содержания: «Отец мой, по завоевании Китая и вступлении в царский дворец, нашел в нем три тысячи цариц* и десять тысяч их прислужниц; но, руководимый совершенною умеренностью, он оставил для себя только триста жен. И я, Канси, находя это число достаточным, повелеваю не иметь более». У нынешнего императора (впрочем только в настоящее время) всего девятнадцать супругов. Им прислуживают евнухи.

В Китае женщина пользуется огромною властью и влиянием; она повелевает не победоносною красотою лица, не пронзительным взором, не улыбкою... нет! а маленькою ножкою... Китайские поэты сравнивают очаровательную ножку с улыбкой, мгновенно появляющейся и исчезающей. Маленькая ножка должна

* Предание сохранило память о том, что эти 3000 жен, не желая попасть в руки варваров-завоевателей [маньчжур], повесились на деревьях в саду. — Прим. авт.

Облачение знатной дамы. Литография XIX в.

быть непременно принадлежностью знатности, богатства и красоты. Без маленькой ножки нет счастья для женщины в Китае... Отчего же ножка китайки такая чудная, такая крошечная?.. Когда дитя достигает семилетнего возраста (по нашему шестилетнего), его кладут в постель и начинают операцию тем, что пригибают четыре пальца ноги, кроме большого, к подошве, отчего нога принимает остроконечную форму, — потом туго стягивают ее сырым ремнем. Ремень, ссохнувшись, доканчивает уродство ноги. Дитя в течение нескольких дней кричит, а в течение целого года остается в постели. В это время лопасть ноги высыхает совершенно до лодыжки; остальная часть ноги безобразно толста. Бедные стягивают не так крепко или в позднейший возраст; от этого они сохраняют возможность ходить, но ходят так, как человек, отморозивший себе ноги, и притом непременно с поднятыми локтями — для соблюдения равновесия... Подымите локти и подите на одних пятках, маленькими шажками: вот вам походка китайки... Этот обычай основан на прекрасном чувстве, чувстве благодарности и желания увековечить память о прекраснейшей и добродетельнейшей женщине, какую в древности была, говорит предание, одна китайская царица, облагодетельствовавшая свой народ и заслужившая от него благословение. У этой царицы были от

Горожанка. Литография XIX в.

природы очень маленькие ноги, которыми подданные удивлялись не менее, чем добродетелям самой обладательницы чудных ножек. Китайцы народ оригинальный: они не воздвигли ей памятника, а решили сохранить во веки веков ее удивительную ножку в ножках всех китайских женщин, желая, чтоб они, имея ножки обожаемой царицы, обладали ее высокими добродетелями. Не могу еще ничего наверно сказать о том, как сохраняют китайские женщины женские добродетели, но маленькую ножку они отстояли от величайшего гонения и уничтожения, угрожавшего ей при восшествии на китайский престол маньчжурской династии. Маньчжурсы — эти варвары, разумеется, привезли с собою в столицу Китая и маленькой ножки огромную лапу своих жен; их мужицкая походка, столь противоположная тихой, грациозной походке китаянок, была встречена насмешкою и презрением, и потому завоеватели тотчас покорились обычаям и изящному вкусу побежденных. Сначала дикарки, которым решительно не было прохода на их большой ноге, завопили, и император издал указ, запрещающий стягивать ногу. Ему не повиновались. Он назначил смертную казнь ослушницам, но ослушницами оказались все женщины. Однако же император велел казнить некоторых, желая тем утратить прочим, и что же? — на место казни явились все маленькие ножки Китая. Казнь все-таки

началась; но лишь только Сын Неба увидал пару ножек, танцующих на воздухе, как тотчас же отменил свой указ и владычество маленькой ножки снова утвердилось. Маньчжурки были в отчаянии... но кому, как не женщине найтись в самом затруднительном положении? Они выдумали бабшмаки с высокими подошвами, которые от ноги суживаются и доходят до следка величиною в квадратный вершок. На этом маленьком основании они стали так же шатки, как и их соперницы. [...]

Декабря 20-го. — Я приготовил письма в отечество; выписываю из одного то место, где говорю о Пекине.

«...Улицы все прямые, но узки и тесны для такой многочисленной массы народа, который движется по ним или сидит с разложенным товаром; здесь беспрестанная езда тележек, множество носилок с знатными людьми, свадебные и похоронные процессии, множество извозчиков, которые разделены по дистанциям, из которых каждая идет от одного моста до другого; дальше своего моста извозчик не может ехать: добравшись до своего предела, он останавливается и надевает мулу на голову торбу с кормом, а пассажир, заплатив положенное число чохов, садится на другого извозчика. Спору и недоразумению никогда не может быть... Все дома непременно во дворах; на улицу выходят только лавки, служащие вместе и входом во двор: у одних только жилищных хозяев есть особые ворота, всегда великолепно украшенные. Лавки также украшены, и товар разложен в порядке и не без вкуса. Вывесками служат продаваемые вещи в увеличенном размере или надписи золотыми знаками. Есть также надписи о продаже без торгу, по определенной цене. Лавка часть бывает и мастерскою: мастер, делая вещи, сам их тут же и продает; слесарни, кузницы, мельницы, толчеи, плотничные, токарни, портняжные и т.д. стоят рядом с магазинами шелковых, фарфоровых и других произведений. Тут же встречаются трактиры, харчевни, где в виду публики стряпаются пельмени и крошится лапша — обыкновенные кушанья китайцев. Мясные лавки тоже разбросаны по городу, но расстановка этого красного товара, особенно раскладка костей, продающихся здесь особо, составляет даже украшение города.

Уличный цирюльник. Фото XIX в.

Вне прямых рядов лавок, т.е. в самых улицах, стоят только будки полицейских.

...Ухо не отдыхает от беспрестанного шуму, производимого разносчиками, которые кричат, звонят, брячат и издают всевозможного рода звуки, возвещая о себе таким образом жителям, лишенным возможности видеть их на улице. Разносчики носят все принадлежности своей торговли в шкафах и ящиках, прикрепленных к прямым, упругим коромыслам; например, цирюльник на одном конце коромысла несет столик с ящичками, где лежат тазик, бритвы и проч., на другом — стул для того, кого будет брить — эта операция часто производится на улице — и кувшин с горячею водою. Мыло при бритье не употребляется, а только горячая вода. Он извещает о себе огромным камертоном. Ногтестриг, т.е. срезыватель мозолей и ногтей с ног, несет только узелок подмышкою и постукивает в две палочки. Точильщик ножей несет скамейку с укрепленным в ней брусом и брячит железными пластинками. У склеивателя изломанной посуды, вооруженного сверлами (потому что склеенная посуда укрепляется железными скобками) — какой-то инструмент, который издает звук разбитого стекла. Ходячие: портные, сапожники, лекари и проч. и проч. нависывают, нацелкивают, побрякивают, напевают и тому подобными громкими

возгласами делают Пекин истинно шумною столицею.

...Взглянем теперь на уличные зрелища. Где только есть маленькое пустое пространство, как-то: площадки перед кумирнями, гласисы перед укреплениями, перекрестки улиц и проч., там непременно помещается какое-нибудь зрелище, например, подвижной театр, фокусник, балансёр, укротитель зверей и проч. Народное уважение ко всякого рода промышленности дает возможность показывать эти зрелища на открытых местах; можно быть совершенно уверенным, что только тот будет смотреть, кто заплатил деньги; поэтому-то большею частью театр состоит только из веревки, которою обведена сцена. Не зная языка,

нельзя, конечно, определить достоинства представлений, но, судя по вниманию зрителей и частому взрыву восторженных восклицаний, они не должны быть лишены интереса. Штуки фокусников также трудно понять, не зная значения слов; зато гимнастики не раз обращали на себя мое внимание; например, они ходят на ходулях вышиной в сажень, которые только прикреплены к лопастям ног; разыгрывали какую-то пьесу и ходули служили актерам как бы возвышенною сценою. В другой раз мне слу-

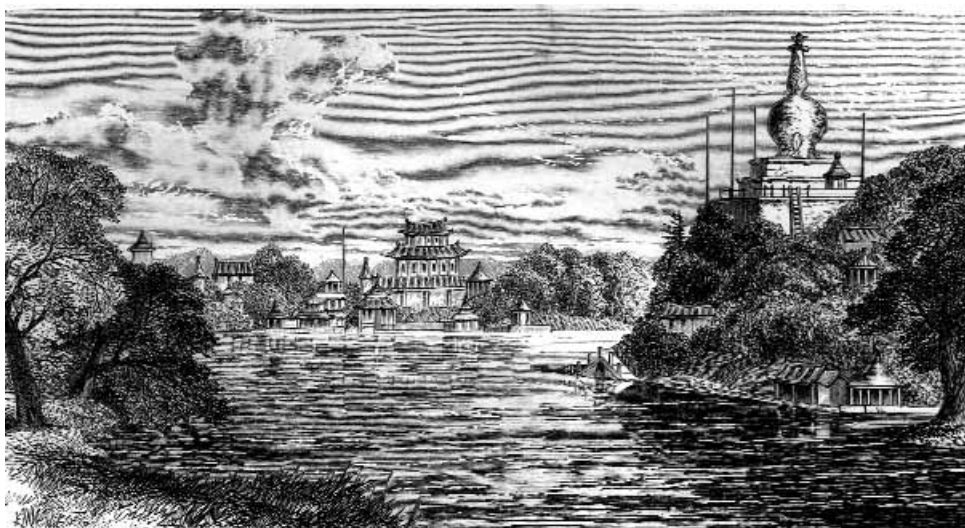
Уличное театральное представление. Гравюра XIX в.

чилося видать, что один артист встал на голову на столе, к нему на ноги поставили лестницу, по которой взобрался до самого верху другой фокусник, пролезая между ступеньками, и потом спустился вниз головою. Бросание шаров, ножей и другие упражнения выказывают большую ловкость». [...]

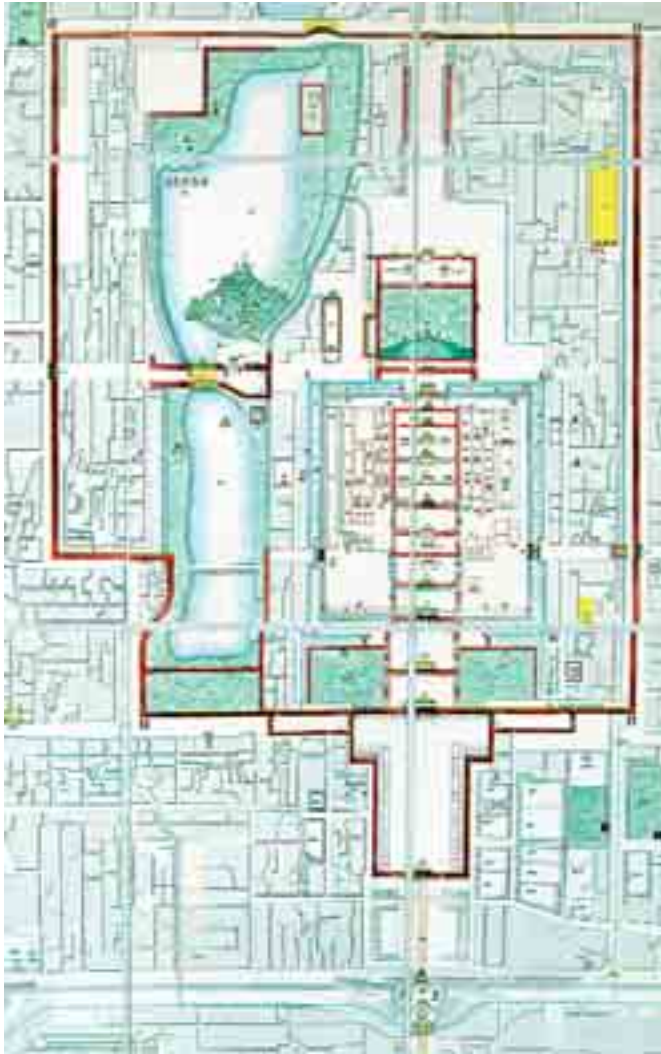
Декабря 22. — Сегодняшняя прогулка по Пекину привела меня к золотым рыбкам и... но об это я, может быть, скажу потом. Я отправился в купеческий город [Вайлочэн], через средние ворота, ближайшие от русского подворья, и от них по прямой улице дошел до озерков, находящихся в конце города. Озерки эти уст-

роены в виде нескольких водяных квадратов, отделяющихся один от другого целою сетью тропинок, назначенных для прогулок и рассматривания живущих в озерках золотых рыбок — рыбок с чешуею золотистого цвета. Рыбки эти составляют украшение каждой порядочной комнаты. Они плавают в сосудах из увеличительного стекла и кажутся большими и красивыми. В комнатах необходимо держать свежую воду, если отопление производится каменным углем, газ которого поглощается водою. Рыбки эти вырастают более 1 1/2 вершка в длину, но в сосудах кажутся в четверть аршина и более. Откупщики озерков продают их по 2 и 3 чоха. [...]

Буддийский храм в Пекине. Литография XIX в.

Запретный город («Цзинь-чэн»). Фрагмент плана Пекина, снятого в 1817 г. Н.Я.Бичуриным (архимандритом Иакинфом), возглавлявшим тогда Пекинскую духовную миссию. На карте – эскиз библиотечки князя В.Ф.Одоевского, с которым известный «хинезист» был знаком и состоял в переписке после возвращения на родину из Китая в 1822 г. В апреле 1829 г. министр иностранных дел граф К.В.Нессельроде поднес Николаю I план Пекина, изданный «трудами и иждивением Иакинфа». Интересна оценка этого плана самим автором – Н.Я.Бичуриным, данная им в предисловии к своему труду «Описание Пекина», изданному в Петербурге в 1829 г. В предуведомлении к своему переводу китайского сочинения о столице Цинской империи он, в частности, писал: «Без сомнения, приятно будет каждому видеть картину китайской столицы, столь известной по слухам и описаниям путешественников. Сия мысль во все время моего пребывания в Пекине делала меня внимательным ко всем, особенно примечательным, предметам сей столицы. Та же мысль была для меня побуждением составить [ее] план... Занимавшийся снятием местоположения [столицы] целый год употребил на то, чтобы доставить сему плану совершенную полноту и точность. Надлежало исходить [все] до единой улицы и переулки, дабы по самоличному обозрению положить все ... на бумагу в дробных частях и составить потом целое».

Декабря 25. — Христианский наш праздник мы встретили в тишине молитвы, среди шумных праздников, которыми отличаются языческие верования. [...]

Декабря 29. — В записках моих я отчетливее могу говорить только о том, что сам вижу: у меня одно орудие для наблюдения — глаза; и те ничего не видят в лабиринтах китайской грамоты, как уши ничего не понимают в рубленых звуках языка. Итак, сегодня поговорим о китайской архитектуре — предмете, занимающем путешественника с первого шага его вступления в Китай. Не только постройка домов, но и самых городов подчинена в Китае строгому однообразию, неприятному, конечно, для путешественника, который, увидав один город, не может уже надеяться видеть какую-либо резкую особенность в прочих городах; но для жителей городов и для городских управле-

ний однообразие это представляет большие удобства. Города обыкновенно занимают несколько продолговатый квадрат, обнесенный стеною, с троими, на каждой стене, воротами, от которых идут совершенно прямые главные улицы, разделяющие город на шестнадцать так называемых городков, по нашему кварталов, которые опять подвержены точно такому же делению, с той только разницею, что на перекрестках, образуемых первым делением, делаются площади, а у перекрестков второго деления строятся полицейские башни. Дома вообще строятся из кирпича; только в ущелье [близ Калгана], через которое мы въезжали в (собственно) Китай, небольшие дома тамошних жителей каменные, т.е. сложены из неотесанного дикого камня. Кирпич китайцы делают из смеси глины, извести и пыли от каменного угля. Он не требует обжигания, имеет серый

цвет, гладко полируется и кладется на тонкий слой цемента из того же материала; полированные его стороны не требуют ни внутренней, ни наружной штукатурки, отчего дома из первых же рук выходят совершенно отделанными. Фасад и план домов всегда одинаковы: крыльцо, фронтон во всю длину дома с колоннами, посредине двери и во всю стену окна. Окна только по передней стене, три прочие стены глухие. Длина дома равняется двум ширинам его. Внутренних стен никогда не бывает: их заменяют ширмы, делающие дом на три равные части; из них средняя, в которую и вход со двора — приемная, направо женская, а налево мужская половины. У богатых людей, разумеется, несколько таких домов стоит во дворе, всегда в симметрии с главным домом. Дома всегда одноэтажные. Связываются они деревянными столбами, вставленными в стены, на которых основывается крыша и потолок. Пол тоже кирпичный, из больших кирпичей, гладко выполированных; потолок из бумаги, наклеенной на легкую деревянную решетку; крыша — черепичная, всегда на два ската. Внутри стены оклеиваются обоями. Печи двух сортов: ди-кан, топится снаружи и нагревает весь пол, кан — сложенная внутри, вышиною в аршин, широкая, топится из комнаты и служит диваном, или, лучше, помещением для всего семейства. Окна и двери, до половины решетчатые, оклеиваются бумагой, и только богатые вставляют европейские стекла. Взглянем на производство постройки: сначала ставят деревянный остов дома и тотчас основывают крышу и покрывают ее окончательно черепицею, а потом уже складывают стены; лесов и лестниц при постройке не устраивают — и поэтому я всегда останавливался смотреть на передачу кирпича и цемента наверх, когда строение возведено выше сажени и более: каменщик стоит на стене, другой работник с земли кидает ему по одному кирпичу и тот ловит их в воздухе; потом так же кидает кверху цемент посредством лопатки и тот опять ловит эту грязь, тоже лопаткою, в воздухе. Никогда мне не случалось подметить, чтобы каменщик не поймал кирпича или грязи, или чтобы грязь попала ему в лицо; все это делается удиви-

тельно ловко и проворно. Между тем, идет внутренняя отделка; ди-кан или кан осушает комнаты, так что с положением последнего кирпича — здание уже готово для жилья.

Перед домом или домами выстилается площадь, тоже кирпичем, который держивает сырость и зной. Площадь эта содержится всегда в чистоте, и летом на ней стоят цветы. За домами, между ими и оградой, образуются узкие задние дворы для всякой всячины: там помещается кухня, ретирады, которые всегда строятся отдельно от жилых домов, и другие, не казистые с виду службы.

Кто блуждал по лабиринтам европейских городов, кто отыскивал по темным коридорам входы в дома, возводимые по фантазии каждого домохозяина, кто задыхался на узких и крутых лестницах, ведущих в подсобные этажи, кто падал с них, словом — кто испытывал неудобство разнообразия в расположении улиц и постройки домов — тот, конечно, согласится, что китайцы, подчинившись строгому однообразию, в этом случае, избежали многих неудобств и неприятностей. [...]

Января 1-го 1831 года. — Встретив в тишине наш Новый год, мы остаемся в ожидании шумного появления китайского Нового года. Говорят, будет неслыханная стрельба. Китайцы ведут свое летосчисление по царствованиям своих императоров; например, царствования Дао-гуана (нынешнего императора) одиннадцатое лето (1830 год). Год разделяется на двенадцать лун; первое число есть рождение луны; луны считаются числами: 1-я, 2-я и т.д. Первая луна бывает в феврале или марте: но Новый год празднуется в первое полнолуние, в продолжение трех дней. [...]

20 января. — Была ярмарка при кумирне Лунфуся, и я провел там с удовольствием несколько часов в толпе ярмарочного народа.

Пекин можно назвать морем торговли; ни один, может быть, город не представляет такого исключительного стремления к надуванию друг друга общим средством — торговлею. Это оттого, что китайцам в их отечестве, как жидам в Европе, оставлен один промысел — торговля. Служба го-

Лавка шляпного мастера. Гравюра XIX в.

сударственная, во всем ее обширном объеме, захвачена маньчжурами сколько из предосторожности, столько (же) из выгоды брать жалованье и взятки. В этом море, однако же, есть еще и глубокие места: это ярмарки, которые бывають два раза в месяц при кумирнях, получающих доход с мест, занимаемых торговцами. С величайшим трудом протерлись мы внутрь двора через ворота, которые беспрестанно закрывались от потока толпы, прибывавшей и уходившей. Двор кумирни в полном смысле слова был набит народом; товары, разложенные на столах, отличались лучшим качеством против тех, которые каждый день можно видеть в лавках; особенно замечательные каменные вещи: табакерки, мундштуки, деревца, сделанные из разноцветных камней, с цветами и плодами натуральных форм и цветов - превосходны. Двенадцать чашек, вкладывающихся одна в другую и выточенных из одного куска агата, — необыкновенно красивы; они стоят 500 лан — около 1500 руб. сер.; жилки камня проходят сквозь все чашки и доказывают, что чашки эти действительно сделаны из одного камня. Ряд, где продаются готовые платья, представляет замечательную картину: платья разложены кучами на полу; один из приказчиков беспрестанно их перебрасывает, говоря цену вещи: вообразите же себе тысячу приказчиков, наклоняющихся с одной стороны на другую, чтобы взять вещь и перекинуть ее,

и десятки тысяч беспрестанно перелезающих с одного места на другое халатов, курм и тому подобного, и прибавьте к этому оглушительный говор и перечень товара! Зрелища по обыкновению занимали и здесь свое место и были окружены толпою зрителей; но те, которые покупали, исключительно были заняты своим делом.

Из европейских вещей заметили мы часы, табакерки и во множестве русское сукно.

Когда мы возвращались назад, у ворот какой-то мальчик всунул нам в руки по печатному листу, не требуя никакой платы. Это — разные поучения тех особ, которые посвятили себя наукам и желают прослыть философами; точно так же раздаются и духовные поучения. [...]

Января 31-го. — С наступлением китайского Нового года (царствования Дао-гуана 11 лета, 1-й луны, 1-го числа), постоянный шум столицы сегодня вечером превратился в оглушительный взрыв ракет, которые днем были выложены на всех улицах для продажи. Они различной величины — начиная от величины ствола гусиного пера до полуаршина длины и полутора вершка толщины в диаметре. Стрельба началась вдруг по всему городу и продолжалась всю ночь, отчего мы беспрестанно просыпались и сонные переносились на поле битв, к гулу орудий, барабанному бою и т.д. [...]

Февраля 1-го. — На улицах Пекина чрезвычайное праздничное движение: весь народ, от мандарина до нищего, де-

лают друг другу визиты, рассылают и разносят подарки. Поутру улицы были покрыты обрывками ракетной бумаги, которые подбирались для обращения опять в бумагу; позднее, по причине закрытия всех лавок и открытия всех кумирен, они приняли совершенно праздничный вид.

Февраля 2-го. — Сегодня мне разъяснили причину беготни в Пекине, которую я заметил накануне Нового года. В этот день все кредиторы стараются собрать долги и требуют их настоятельнее, чем во все прочие дни года. В этот роковой для должников день они могут быть безвозмездно поколочены своими кредиторами, потому что не смеют жаловаться, чтобы не показаться самыми презренными людьми, которые не могли заплатить своего долга накануне Нового года. Обыкновенно эти несчастные в страшный для них день стараются куда-нибудь скрыться, но и это им редко удается, потому что должника в этот день позволено искать везде. [...]

Февраля 13-го. — Опять снег. Этот год редкий в Китае: снег выпал там, где его никогда не бывало и один наш знакомый получил (с юга) из Кантона письмо и при нем ящичек, в который, при отправке, было положено нечто белое, покрывавшее в Кантоне землю. Разумеет-

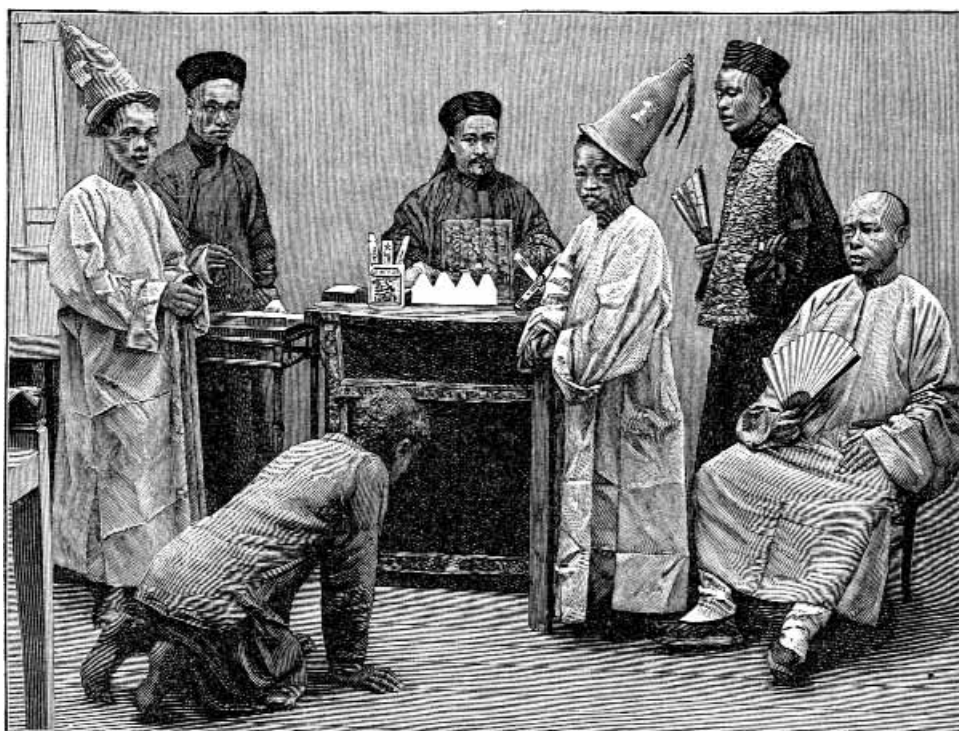
ся, что ящичек пришел пустой — и мы тотчас догадались, что в него был положен снег. [...]

Марта 25-го. — Открытие и очищение каналов и подземных труб разлило в Пекине такое зловоние, что нет возможности выйти не только на улицу, но даже во двор или сад, куда, между тем, манят нас распускающиеся деревья. Говорят, в иных местах в настоящее время воздух так удушлив, что слабые пешеходы падают в обморок. Чеснок, который китайцы едят в большом количестве, оказывает теперь вполне свое спасительное действие. Богатые носят при себе пахучие вещества, которые с этой целью продаются в особых привесках, четках и т.п., отличающихся изящною резною работою. [...]

Апреля 19. — Надо прожить год на чужбине, между чужим народом, среди чужой религии, языка — словом, прожить между китайцами, чтобы теплее и живее понимать наши религиозные учреждения; успокоительный характер христианской религии постигается вполне там, где человек чувствует нужду в утешении... Так думал я, встречая сегодняшней Светлый Христов праздник посреди нашего маленького общества. [...]

Мая 4. — Вид пекинских жителей переменился мгновенно: по указу богдохана, в

В китайском суде. Литография XIX в.

назначенный им срок IV луны, 5 числа, т.е. сегодня, китайцы надели летнее платье — шелковое или бумажное без подкладки, зимние шапки, с поднятыми вверх краями, заменили летними, белыми, сделанными из соломы или шелковой материи, в виде воронки, с красною кистью. При наступлении зимы, также в назначенный богдоханом день, надевается зимняя одежда; осенняя же и весенняя, т.е. ватная, вместо меховой, надевается по произволу каждого и смотря по состоянию погоды. Это ограничение сволю моды и прихоти, чрезвычайно благодетельно для народа и довело китайскую одежду до совершенства сообразно с местными требованиями. [...]

Мая 10. — Говорят, что ничего нет ужаснее пекинских тюрем: с заключенными обращаются без всякого сострадания и человеколюбия: здания во всю зиму не отапливаются; в пищу дают только отвар пшена, который, конечно, нисколько не утоляет голода, а только поддерживает существование несчастных до дня казни. Накануне казни преступников угощают сытным обедом! В нынешнем году обед будет многочисленный и шумный — по довольно замечательному капризу богдохана. Казнь обычно назначает он сам. Ему подносят список заключенных с оз-

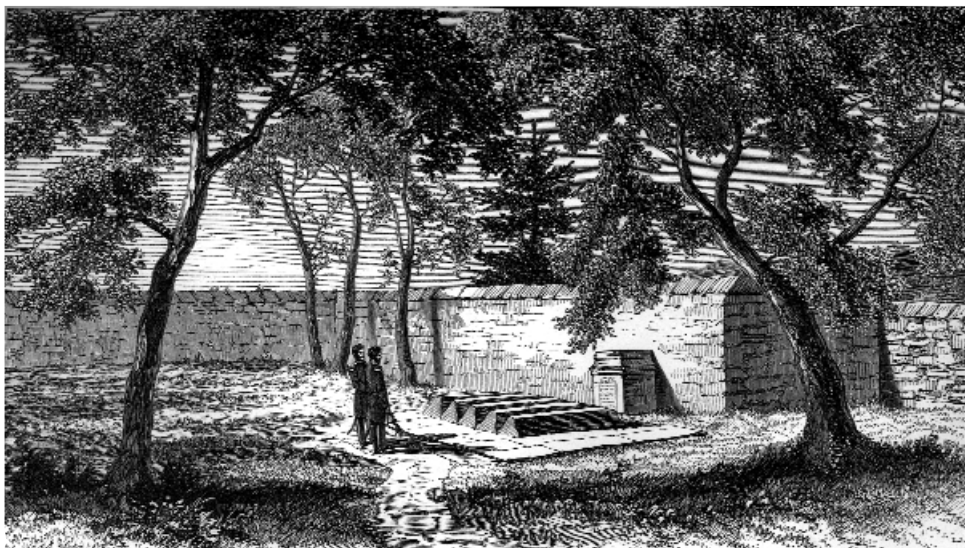
начением их преступлений и имена приговоренных к казни богдохан обводит красными чернилами. Нынче поднесли ему этот список по обыкновению на одном большом листе. Сын Неба, вероятно, был в дурном расположении духа — взял кисть, обмакнул ее в чернила [тушь] и обвел весь список красною чертою, почему все заключенные, после сытного обеда, будут казнены. [...]

Здесь кончаются мои пекинские заметки, потому что я не устоял при виде налившихся плодов и покушал их, еще незрелых, отчего был болен до самого отъезда из Пекина, т.е. 6-го июля 1831 года. Кроме того, все остальное время я употреблял на окончательную отделку планов и фасадов, которые снял для г.Ладыженского⁹ с русских монастырей Сретенского и Успенского в Пекине, с русского кладбища, которое, как и все кладбища в Китае, отличаются своим печальным изяществом...

Наш поезд, состоящий из 82 мулов, медленно потянулся, в самый знойный полдень, по улицам Пекина к Аньдиньским воротам, в сопровождении несметной толпы любопытных; поднимавшиеся облака пыли, вместе с палящими лучами солнца, придали прощанью нашему с Пекином самый тягостный, невыносимый характер...

**Подготовка текста и примечания
А.Н.Хохлова**

Русское кладбище в Пекине. Литография XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Г-н Р.–Анемподист Иванович Разгильдяев, начальник Чиндантской пограничной дистанции. Во время путешествия в Пекин в 1830 г. он выполнял обязанности начальника обоза, следовавшего до китайской столицы с вещами и провизией новых членов Пекинской духовной миссии и сопровождающих их лиц. При подготовке пекинского дневника С.И. Черепанова, конвойного офицера при обозе миссии, О.И. Сенковский изменил фамилию Разгильдяева на «Разгильдеев», что вызвало, по словам С.И. Черепанова, неудовольствие земляков-казаков. За успешное выполнение поручения, связанного с доставкой новых членов Пекинской миссии в китайскую столицу и старых в Кяхту, А.И. Разгильдяев был удостоен чина коллежского ассесора.

² Чох (по-китайски *вэнь*) – медная разменная китайская монета с четырехугольным отверстием посередине, с помощью которого она соединяется с подобными медяками в связки для удобства при денежных расчетах. 1000 чохов составляет один лян серебра, величина которого в медной ходячей монете могла меняться в зависимости от рыночного курса серебра, чем широко пользовались торговцы в своих сделках, особенно в ростовщических операциях.

³ Лан – искаженное русское название китайской денежной единицы – серебряного ляна.

⁴ В сборнике С.И. Черепанова под названием «Черепки», в котором выборочно представлены его статьи и иные газетные публикации 1860–1868 гг., по поводу существования массы нищих в китайской столице в 30-е годы XIX в. имеется следующая ссылка на авторитет Н.Я. Бичурина: «Известный наш синолог о. Иакинф Бичуринский (Пичуринский), проживший в Пекине 15 лет, в своих записках положительно говорит о необыкновенном множестве нищих в Китае».

⁵ Слоны обычно доставлялись из Сиам (совр. Таиланд) в виде «дани».

⁶ Следуя традиции, сложившейся в западной синологии, автор принимает девиз, или годы правления китайского императора Мян Нина (Дао-гуан) (1820–1850) за собственное имя. Современная китайская историография, в частности, историография КНР считает правильным (применительно к истории маньчжурской династии Цин, правившей Китаем с 1644 по

1912 г.) называть правителей Цинской империи их личными именами.

⁷ Речь идет о лорде Джордже Макартнее, посетившем Пекин во главе английского посольства в 1793 г.

⁸ Речь идет о китайском императоре Сюань Е, правившем Китаем с 1662 г. в течение 60 лет под девизом «Кан-си». О его мудром правлении ходят легенды, широко бытующие в западной литературе. Историки КНР высоко оценивают его достижения в области внешней политики, благодаря чему цинскому Китаю удалось широко раздвинуть границы своих территориальных владений в Маньчжурии и Монголии.

⁹ Михаил Васильевич Ладыженский (1803–1875) – родом из дворян Смоленской губернии, уроженец Московской губернии. В возрасте 17 лет получил чин прапорщика, а по окончании Московского училища колонновожатых в июле 1821 г. стал подпроучиком. Участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. После серьезной контузии в звании полковника выехал из Варны в Россию. В феврале 1830 г. Азиатский департамент МИД поручил ему в качестве пристава сопровождать новый состав Пекинской духовной миссии до китайской столицы, где ожидал своей смены ее старый состав. Выдержки из дневника М.В. Ладыженского о пребывании в столице цинского Китая печатались в 1907–1912 гг. (без указания фамилии автора) под названием «Дневник, вденный в Пекине с 1 декабря 1830 г.» (См.: П.Е. Скачков. Библиография Китая. М., 1960, № 5244). Оригинал же этого любопытного произведения, излагающего события с 1 декабря по 14 апреля 1831 г., находится ныне в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Как свидетельствуют архивные данные, М.В. Ладыженский в 40-х гг. выполнял обязанности Тобольского гражданского губернатора, а позднее в течение почти 20 лет служил в Оренбургской пограничной комиссии, ведавшей делами Казахстана и отчасти Средней Азии. Как писала газета «Сибирь» в связи со смертью М.В. Ладыженского в Петербурге 30 июня 1875 г., этот отставной генерал-лейтенант был «весьма образованный и благородный человек, оставивший по себе «частицу памяти» своим верным служением России».

Хохлов А.Н. Путешествие Христофора Буюклу в Пекин и на Амур в 1830–1832 гг. – Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Часть 2. М., 1980, с. 212–227.

Черепанов С. Отрывки из воспоминаний сибирского казака. – «Древняя и новая Россия», 1876, № 6–7.

Хохлов А.Н. С.И. Черепанов и китайская тема в его творчестве (к 175-летию со дня рождения). – «Теоретические проблемы изучения литературы Дальнего Востока». Тезисы двенадцатой научной конференции, Москва, 1986 год. М., 1986, ч. II, с. 459–463.

Джайльс Г.А. Китай и его жизнь. СПб., 1914. // S 46/523; V 543/342; D 31/265.

Гессе-Варгер Э. Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современного Китая. СПб., 1865. // E 96/863; S 104/238; P6 4/72.

Bredon J. Peking. Shanghai, 1922 (20). // 3B 2-1/34.

Rennie D.F. Peking and the Pekingese. London, 1865. // Ин 65-58/59